

Н. Аннивьев
**БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ
САНКТ
ПЕТЕРБУРГ**

*Обложка и портрет поэта
работы художника К. К. Кузнецова*

Издание Б. В. Чарковского — Сан Франциско

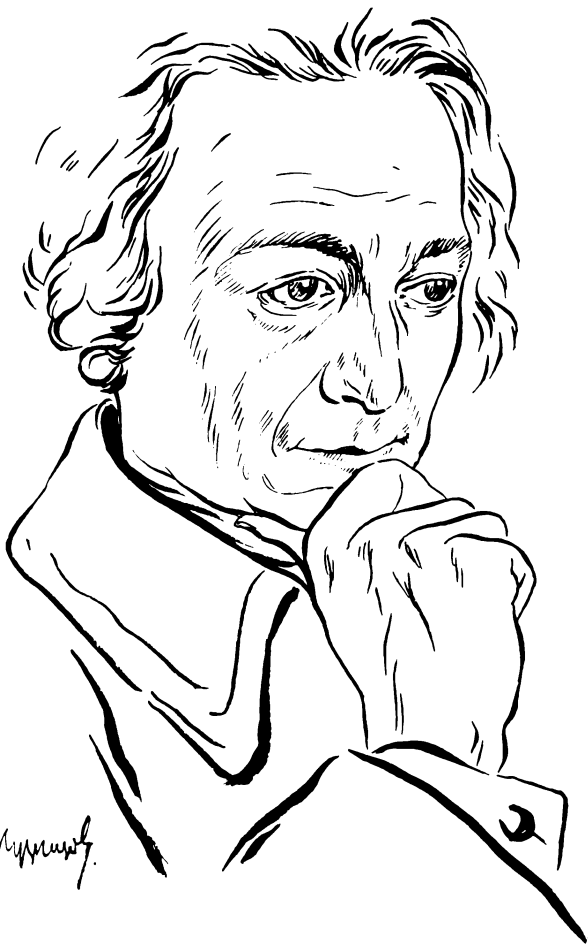
Отпечатано в тип. Г. Бутова — Мюнхен

Н. Агнивцев

**БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ
САНКТ ПЕТЕРБУРГ**

Сан Франциско

1 9 6 2

W. H. R. 1917.

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ САНКТ ПЕТЕРБУРГ

**В моем изгнании бесконечном
Я видел все, чем мир дивит:
От башни Эйфеля до вечных
Легендо-звонных пирамид.**

**И вот, «на ты» я с целым миром!
И, оглядевши все вокруг,
Пишу расплавленным Ампиром
На диске солнца — «Петербург».**

ВДАЛИ ОТ ТЕБЯ, ПЕТЕРБУРГ

**Ужель в скитаниях по миру
Вас не пронзит ни разу, вдруг
Молниеносною рапирой
Стальное слово — «Петербург»?**

**Ужели Пушкин, Достоевский,
Дворцов застывший плац парад,
Нева, Милльонная и Невский
Вам ничего не говорят?**

**А трон российской Клеопатры
В своем саду? И супротив
Александринского театра
Непоколебленный массив?**

**Ужель неведомы вам даже
Фасад Казанских колоннад?
Кариатиды Эрмитажа?
Взлетевший Петр и Летний Сад?**

**Ужели вы не проезжали
В немного странной вышине
На старомодном «империале»
По Петербургской Стороне?**

**Ужель из рюмок тонно-узких
Цедя зеленый пепермент,
К ногам красавиц петербургских
Вы не бросали комплимент?**

**А непреклонно раздраженный
Заводов Выборгских гудок?
А белый ужин у Донона?
А Доминикский пирожок?**

**А разноцветные цыгане
На Черной Речке за мостом,
Когда в предутреннем тумане
Все кувыркается вверх дном;**

**Когда моторов вереница
Летит дрожа на Острова,
Когда так сладостно кружится
От Редерера голова?**

**Ужели вас рукою страстной
Не молодил на сотню лет
На первомайской сходке — красный
Бурлящий университет?**

**Ужель мечтательная Шура
Не оставляла у окна
Вам краткий адрес для Амура:
«В.О.7 л. д. 20-а»?**

**Ужели вы не любовались
На сфинксов фивскую чету?
Ужели вы не целовались
На Поцелуевом мосту?**

**Ужели белой ночью мая
Вы не бродили у Невы?
Я ничего не понимаю...
Мой Боже, как несчастны вы!**

ГРАНИТНЫЙ БАРИН

**Париж, Нью Йорк, Берлин и Лондон!
Какой аккорд! Но пусть их Рок!
Всем четверем один шаблон дан,
Один и тот же котелок!**

**Ревут моторы, люди, стены,
Гудки, витрины, провода...
И, обалдевши совершенно,
По крышам лупят поезда!**

**От санюлотов до бомонда,
В одном порыве вековом,
Париж, Нью Йорк, Берлин и Лондон
Несутся вскачь за пятаком!**

**И в этой сутолке всемирной,
Один на целый мир вокруг,
Брезгливо поднял бровь Амфирный
Гранитный барин — Петербург!**

САНКТ ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТРИОЛЕТЫ

**Скажите мне, что может быть
Прекрасней Невской Перспективы,
Когда огней вечерних нить
Начнет размеренно чертить
В тумане красные извивы!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней Невской Перспективы?**

**Скажите мне, что может быть
Прекрасней белой майской ночи,
Когда начнет Былое вить
Седых веков седую нить
И возратить столетья хочет!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней белой майской ночи?**

**Скажите мне, что может быть
Прекрасней дамы Петербургской,
Когда она захочет свить
Любви изысканную нить
Рукой небрежною и узкой!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней дамы Петербургской?**

СТРАННЫЙ ГОРОД

**Санкт Петербург — гранитный город,
Взнесенный словом над Невой,
Где небосвод давно распорот
Адмиралтейскою иглой!**

**Как явь вплелись в твои туманы
Виденья двухсотлетних снов.
О, самый призрачный и странный
Из всех российских городов!**

**Недаром Пушкин и Растрелли,
Сверкнувши молнией в веках,
Так титанически воспели
Тебя — в граните и в стихах!**

**И майской ночью в белом дыме
И в завыванье зимних пург
Ты всех прекрасней, несравнимый
Блистательный Санкт Петербург!**

У АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА

**Там, где Российской Клеопатры
Чугунный взор так горделив,
Александринского театра
Чеканный высится массив.**

**И в ночь, когда притихший Невский
Глядит на бронзовый фронто́н,
Белеет тень Комиссаржевской
Меж исторических колонн.**

**Ты, Петербург, с отцовской лаской
Гордишься ею! Знаю я:
Была твоей последней сказкой
Комиссаржевская твоя!..**

**Нежнее этой сказки нету!
Ах, Петербург, меня дивит:
Как мог придумать сказку эту
Твой размечтавшийся гранит?..**

САНКТ ПЕТЕРБУРГ

Ах, как приятно в день весенний
Урвать часок на променад
И для галантных приключений
Зайти в веселый Летний сад.

Там, среди толпы жантильно-гибкой,
Всегда храня печальный вид,
С разочарованной улыбкой
Поручик Лермонтов стоит.

Ах, Санкт Петербург, все в тебе
очень странно,
Серебряно-призрачный город туманов!

Ах, Петербург! Красавиц «мушки»,
Дворцы, каналы, Невский твой,
И Александр Сергееч Пушкин
У парашета над Невой!

А белой ночью, как нелепость,
Забывши день, всю ночь без сна,
На Петропавловскую крепость
Глядеть из темного окна!

И, лишь запрут в Гостином лавки,
Несутся к небу до утра
Рыданья Лизы у канавки
И топот Медного Петра!

**Ах, Санкт Петербург, все в тебе
очень странно,
Серебряно-призрачный город туманов!**

**Ах, Петербург! Красавиц «мушки»,
Дворцы, каналы, Невский твой,
И Александр Сергеич Пушкин
У парашута над Невой!**

ПЕТР ПЕРВЫЙ

**Москва и Киев задрожали,
Когда Петр в треске финских скал
Ногой из золота и стали
Болото Невское попрал.**

**И взвыли плети! И в два счета
Движеньем Царской длани вдруг
Из грязи Невского болота
Взлетел Амфирный Петербург.**

**И до сих пор, напружив спины,
На спинах держат град старинный
Сто тысяч мертвых костяков
Безвестных русских мужиков.**

**И вот теперь через столетья,
Из-под земли, припомнив плети,
Ты слышишь, Петр, как в эти дни
Тебе аукают они? ..**

СЛУЧАЙ НА ЛИТЕЙНОМ ПРОСПЕКТЕ

В этот вечер над Невую
Встал туман. И град Петра
Запахнулся с головою
В белый плащ из серебра.
И тотчас же для начала,
С томным криком вдалеке
Поскользнулась и упала
Дама с мушкой на щеке.

— На Литейном, прямо, прямо,
Возле третьего угла,
Там, где Пиковая Дама
По преданию жила.

И в слезах, прождав немало,
Чтобы кто помог ей встать,
В огорченьи страшном стала
Дама ручками махать.
И на зов прекрасных ручек,
К ней со всех пустившись ног,
Некий гвардии поручик
Мигом даме встать помог.

— На Литейном, прямо, прямо,
Возле третьего угла,
Там, где Пиковая Дама
По преданию жила.

**Что же дальше? Ах, избавьте!
Неизвестен нам финал.
Мы не видели... Представьте,
Нам... туман там... помешал.
Мы одно сказать лишь можем:
Был поручик очень мил!..
И затем одним прохожим
Поцелуй услышан был.**

**— На Литейном, прямо, прямо,
Возле третьего угла,
Там, где Пиковая Дама
По преданию жила.**

НА «СТРЕЛКЕ»

Ландо, коляски, лимузины,
Гербы, бумажники, безделки,
Брильянты, жемчуга, рубины —
К закату солнца — все на «Стрелке»!

Струит фонтанно в каждой даме
Аккорд Герленовских флаконов,
И веет тонкими духами
От зеленеющих газонов.

И в непрерывном лабиринте
Гербов, камней и туалетов
Приподнимаются цилиндры
И гордо щурятся лорнеты.

И солнце, как эффект финальный,
Заходит с видом фатоватым
Для Петербурга специально —
Особо — огненным закатом.

ДАМА НА СВИДАНИИ

Вы не видали господина,
Виновника сердечных мук?
На нем цилиндр и пелерина
И бледно-палевый сюртук.

Вот, как зовут его? Не помню!
Вчера в Гостином у ворот
Без разрешения его мне
Представил просто сам Эрот.

Он подошел с поклоном низким,
Корректно сдержан *à l'anglaise*,
Тихонько передал записку,
Приподнял шляпу и — исчез.

Но где ж записка? Ради Бога!...
Ах, вот она! Лети, печаль!
Вот: «Николай Васильич Гоголь»...
Вы не слышали? Очень жаль!...

В. О. 17 Л.

**Вот раскрытое окошко.
И задумчиво сидит
В том окошке рядом с кошкой
Госпожа Агнесса Шмидт.
Где-то мерно бьет «12»...
И, взглянувши на чулки,
Стала тихо раздеваться
Госпожа Агнесса. И —
 Ах, Агнессочка, Агнессочка!
 Опустилась занавесочка!..**

**Через миг, довольно резко,
Совершенно невзначай
Вдруг поднялась занавеска...
— Ай, Агнесса! Ай-яй-яй!
Рядом с ней, в любви неистов,
В совершенном забытьи
Господин судебный пристав
Страстно шепчет что-то... И —
 Ах, Агнессочка, Агнессочка!
 Опустилась занавесочка!..**

**Через миг, ужасно резко,
Чьей-то гневной рукой
Вновь поднялась занавеска...
— Ой, Агнесса! Ой-ой-ой!
Ах, как грустно! Ах, как жалко**

Неудачников в любви!
Муж Агнессы с толстой палкой
К ним подходит быстро... И —
Ах, Агнессочка, Агнессочка!
Опустилась занавесочка!..

НАВЕЛ 1-Й

Смерть с Безумьем устроили складчину.
И, сменив на порфиру камзол,
В Петербург прискакавши из Гатчины,
Павел I-й взошел на престол.

И, Судьбою в порфиру укутанный,
Быстрым маршем в века зашагал,
Подгоняя Россию шпицрутеном,
Коронованный Богом капрал.

Смерть шепнула Безумью встревоженно:
«Посмотри: видишь гроб золотой?
В нем Россия Монархом положена...
Со святыми ее упокой!»

Отчего так бледны щеки девичьи
Рано вставших Великих Княжен?
Отчего тонкий рот Цесаревича
Дрожью странною так искривлен?

Отчего тяжко так опечалена
Государыня в утренний час?
И с лица побледневшего Палена
Не отводит испуганных глаз?

Во дворце не все свечи потушены:
Три свечи светят в гроб золотой.
В нем лежит Император удушенный...
Со святыми его упокой!

ПРИНЦЕССА МОЛЬ

Ах, шум кулис извивно-узких!
Ах, закулисная фриволь!
Ах, блеск театров Петербургских!..
Все знаю я, принцесса Моль.

Я помню радостные миги,
Я помню преклоненный зал,
Когда бессмертный Каратыгин
Вдвоем с Бессмертием играл.

И вижу я, как в медальоне,
Как только что ушедший сон,
Носок летающий Тальони
И четкий профиль Монбазон.

И сквозь столетие донные
Из глубины могильных плит
„La donna“ юного Мазини
Еще в ушах моих звенит.

Но в вечность огненным закатом
Ушли былые времена...
И ныне, в 910-ом,
Иные встали имена.

И, стариков своих не выдав,
Неколебимы среди толпы
Варламов, Ходотов, Давыдов —
«Александринские столпы»..

**Ах, Петербург! В борьбе с судьбою,
В глазах все небо затая,
Горит лампадой пред тобою
Комиссаржевская твоя.**

**То упадая, то взлетая,
С Невы на целый мир кругом
Сверкает Павлова 2-я
Алмазно блестящим носком.**

**А «Летний Буфф»? Ах, в иступленье
До Невского несется «bis!»
Когда там с Вяльцевой в «Елене»
Играет Северский-Парис.**

**Скороговорщиком затейным
Во всю резвится второпях
Курихин Федя на «Литейном»
В ста восемнадцати ролях!**

**Но, чу... Часы!.. Как быстро осень
Спускает с неба вечера!
На Петропавловке бьет «8»,
И мне в Мариинский пора!**

**Сейчас, как мухи на бисквите,
Все дамы там! Наперечет!
— Ах, там ведь Собинов, поймите,
Сегодня Ленского поет!**

ДАМА ИЗ ЭРМИТАЖА

Ах, я устала так, что даже
Ушла, покинув царский бал!..
Сам Император в Эрмитаже
Со мной сегодня танцевал!

И мне до сей поры все мнится
Блеск императорских погон,
И комплимент Императрицы,
И Цесаревича поклон.

Ах, как мелькали там мундиры!
(Знай, только головы кружи!)
Кавалергарды, кирасиры,
И камергеры, и пажы!

Но больше, чем все кавалеры,
Меня волнует до сих пор
Неведомого офицера
Мне по плечам скользнувший взор.

И я ответила ему бы...
Но тут вот, в довершенье зол,
К нему, сжав дрогнувшие губы,
Мой муж сейчас же подошел.

Pardon! Вы, кажется, спросили,
Кто муж мой? Как бы вам сказать...
В числе блистательных фамилий
Его — увы! — нельзя назвать...

**Но он в руках моих игрушка!
О нем слышали вы иль нет?
Александр Сергееч Пушкин,
Камер-юнкер и поэт!..**

В ДОМИКЕ НА ВВЕДЕНСКОЙ

**У нее — зеленый капор
И такие же глаза.
У нее на сердце — прапор,
На колечке — бирюза!**

**Ну, и что же тут такого? ..
Называется ж она —
Марь Иванна Иванова
И живет уж издавна —**

**В том домишке, что сутулится
На углу Введенской улицы,
Позади сгоревших бань,
Где под окнами — скамеечка,
А на окнах — канареечка
И — герань!**

**Я от зависти тоскую!
Боже правый, помоги!
Ах, какие поцелуи!
Ах, какие пироги!**

**Мы одно лишь тут заметим,
Что, по совести сказать,
Вместе с прапором-то этим
Хорошо бы побывать —**

**В том домишке, что сутулится
На углу Введенской улицы,
Где под окнами — скамеечка,
А на окнах — канареечка
И — герань!**

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Белой ночью белый ландыш
Я воткну, грустя, в петлицу
И пойду за белой сказкой
В белый, призрачный туман...

Посмотрите, посмотрите!
У Цепного Моста кто-то
В старомодной пелерине
Неподвижно смотрит вдаль...

Господин в крылатке тихо
Про него шепнул другому:
«Николай Васильич Гоголь,
Сочинитель «Мертвых Душ»...

У Сената, сдвинув брови,
Гнет сверкающую шпагу
Незнакомец в треуголке
С пистолетом при бедре.

Отчего так странно бледен
Незнакомец в треуголке?
Отчего сжимает петля
Золоченый воротник?

Чу! К нему, гремя оружием,
С двух сторон подходят двое...
Подошли. «Полковник Пестель,
Нао прислал к вам Государь!»

Белой, мертвой, странной ночью,
Наклонившись над Невою,
Вспоминает о минувшем
Странный город Петербург.

Посмотрите, посмотрите!
Вот задумался о чем-то
Незнакомец в альмавиве,
Опершись на парпет.

С Петропавловской твердыни
Бьют Петровские куранты,
Вызывая из могилы
Беспокойных мертвецов.

И тотчас же, возле арки,
Там, где Зимняя Канавка,
Белый призрак Белой Дамы
Белым облаком сошел.

Зазвенели где-то шпоры,
И по мертвому граниту
К мертвой даме на свиданье
Мчится мертвый офицер.

«Герман!» «Лиза!» И тотчас же,
Оторвавшись от гранита,
Незнакомец в альмавиве
Гордый профиль повернул.

— Александр Сергеич! Вы ли?
Вы ли это? Тот, чье имя
Я в своих стихах не смею
До конца произнести!

Белой, мертвой, странной ночью,
Наклонившись над Невою
Вспоминает о минувшем
Странный город Петербург...

КОГДА ГОЛОДАЕТ ГРАНИТ

**Был день и час, когда уныло
Вмешавшись в шумную толпу,
Краюшка хлеба погрозила
Александрийскому столпу!**

**Как хохотали переулки,
Проспекты, улицы... И вдруг
Пред трехкопеечною булкой
Склонился ниц Санкт Петербург!**

**И в звоне утреннего часа
Скрежещет лязг голодных плит!
И вот — от голода затрясся
Елизаветинский гранит!**

**Вздохнули старые палаццо...
И, потоптавшись у колонн,
Пошел на Невский продаваться
Весь блеск прадедовских времен!**

**И сразу сгорбились фасады...
И, стиснув зубы, над Невой
Восьмизэтажные громады
Стоят с протянутой рукой!**

**Ах, Петербург! Как страшно просто
Подходят дни твои к концу!
— Подайте Каменному Мосту!
— Подайте Зимнему Дворцу!**

УЖЕЛЬ НАСТУПИТ ЭТОТ ЧАС?

**Ужель наступит этот час
На Петропавловских курантах,
Когда столица в первый раз
Заблещет в этот страшный час
В слезах, как ранее — в брильянтах?
Ужель наступит этот час
На Петропавловских курантах?**

**Ужель наступит этот год
Над Петербургом вечно-звонным,
Когда гранит во прах падет,
И кровь забрызжет небосвод,
И ахнет твердь гранитным стоном?
Ужель наступит этот год
Над Петербургом вечно-звонным?**

ГРАФ КАЛИОСТРО

Колонный Эрмитажный зал
Привстал на цыпочках! И даже
Амуры влезли на портал!
Сам Император в Эрмитаже
Сегодня польку танцевал!

Князь N, почтен и сановит,
Своей супруге после танца
В кругу галантных волокит
Представил чинно иностранца,
Весьма приятного на вид:

«Граф Калиостро — розенкрейцер,
«Наимудрейший из людей,
«Единственный из европейцев
«Алхимик, маг и чародей!»

Прошло полгода так. И вот
Княгине князь промолвил остро:
«Вам надо бы продолжить род
«Совсем не графа Калиостро,
«Ну, а как раз наоборот!»

Княгиня, голову склоня,
В ответ промолвила смиренно:
«Ах, не сердитесь на меня,
«Я не виновна совершенно!
«Ну, что ж могла поделать я?

**«Граф Калиостро — розенкрейцер,
«Наимудрейший из людей,
«Единственный из европейцев
«Алхимик, маг и чародей!»**

КНЯЗЬ ПАВЕЛ

С князем Павлом сладу нет!
Comprenez vous? Дело в том,
Что к статс-даме он в карету
Под сиденье влез тайком!
Не качайте головами!
Ведь беды особой нет,
Если было той статс-даме
Только... только 20 лет!

Это было в придворной карете
С князем Павлом в былые года...
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь — никогда!

И, прикрывши ножки тальмой,
Затряслась статс-дама: «Ой!
Сколь вы прытки, государь мой,
И сколь дерзостны со мной!»
Князь ей что-то тут невнятно
Прошептал... И — стихло там!
Ведь любовь всегда приятна
Даже... даже для статс-дам!

Это было в придворной карете
С князем Павлом в былые года...
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь — никогда!

**И, взглянув на вещи прямо,
Поборов конфуз и страх,
Очень долго та статс-дама
Пребывала в облаках.
И у дома, спрыгнув на землю
С той заоблачной стези,
Нежно так простилась с князем
И промолвила: «Мерси!»**

**Это было в придворной карете
С князем Павлом в былые года...
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь — никогда!**

В АРХИПЕЛАГЕ

**Под сенью греческого флага,
Болтая с капитаном Костой,
Средь островов Архипелага
Мне вспомнился Елагин Остров.**

**Тот самый сухопутный остров,
Куда без всяких виз французских
Вас отвозил легко и просто
Любой извозчик петербургский.**

.

**И в летний день, цветами пестрый,
И в индевеющие пурги —
Цвети, цвети, Елагин Остров,
Цветок в петлице Петербурга!**

КРАСНЫЙ ДОМ

**Вы помните тот вечно-звонный
Неугомонный Красный Дом,
Вздымающий свои фронтоны
В великолепии своем?**

**Где с давних пор в российском мраке,
На целый мир среди этих зал
Российской мысли вечный факел
Неугасаемо пылал.**

**Где каждый год в зловещем гаме,
Под неустанный смех и спор
Двадцатилетними глазами
Сверкал гигантский коридор!**

**Там, под гуденье аудиторий,
Среди новых улиц, новых дней,
Вздыхает в старом коридоре
Тень мертвой Юности моей.**

ЕЛИСАВЕТ

**Ау, века! Ах, где ты, где ты,
Веселый век Елизаветы,
Одетый в золото и шелк?
Когда в ночи, шагая левой,
Шел на свиданье, как Ромео,
К Императрице целый полк!
Когда на царском фестивале
Сержанты томно танцевали
С Императрицей менуют. . .**

**— Любила очень веселиться
Веселая Императрица
Елисавет!**

**Ау, века! Ах, где ты, где ты,
Веселый век Елизаветы,
Когда на площади Сенной
Палач в подаренной рубаше
К ногам Царицы с черной плахи
Швырнул язык Лопухиной!
И крикнул с пьяною усмешкой:
«Эй, ты, честной народ, не мешкай!
Кому язык? Берешь аль нет?»**

**— Любила очень веселиться
Веселая Императрица
Елисавет!**

НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНЕ

**Все это было в переулке
На Петербургской Стороне,
Где все шаги чрезмерно гулки...
И в поэтической прогулке
Вы поболтать позвольте мне
О том, что было в переулке
На Петербургской Стороне.**

**В том переулке был домишко,
Ну, а в домишке том — она,
С полуразрезанною книжкой,
С тоской, вязаньем и Амишкой —
Майора некого жена.
В том переулке был домишко,
Ну, а в домишке том — она.**

**Майор! Майор! Но где майор же?
Майор воюет на войне!
Что может быть на свете горше
Судьбы скучающей майорши
На Петербургской Стороне?
Майор! Майор! Но где майор же?
Майор воюет на войне.**

**Но вот, коллежский регистратор
Встал перед нею „à genoux“
И, сделав под окном сперва тур,**

**В любви пылая, как экватор,
Прельстил майорову жену
Коллежский этот регистратор,
Пред нею вставши „à genoux“.**

**Что ж? Кроме всяческих военных
Есть и гражданские чины!
И, не позоря чин военный,
Мы беспристрастно совершенно
Отметить все же тут должны,
Что кроме всяческих военных
Есть и гражданские чины!**

В 5 ЧАСОВ УТРА

— Мой Бог, вот скука! Даже странно,
Какая серая судьба:
Все тот же завтрак у Контана,
Все тот же ужин у Кюба!

И каждой ночью, час от часа,
В Крестовском, в Буффе, у Родэ
Одни и те же ананасы,
Одни и те же декольте!

В балете же тоска такая,
Что хоть святых вон выноси!
Все та же Павлова 2-ая
Et voilà! Et voici!

Цыгане воют, как гиены,
И пьют, как 32 быка!
В Английском Клубе неизменно —
Тоска и бридж! Бридж и тоска!

И вообще — нелепо странно
Жить в этом худшем из веков,
Когда, представьте, рестораны
Открыты лишь до трех часов!..

Едва-едва успел одеться, —
Уже, пожалте, спать пора!
И некуда гусару деться
Всего лишь в 5 часов утра!

.

**Гусар слезу крюшона вытер,
Одернул с сердцем рукава
И молвил вслух: «Проклятый Питер!
Шофер, на острова!»**

ТУМАННАЯ ИСТОРИЯ

Ах, все это чрезмерно странно,
Как Грандисоновский роман...
И эта повесть так туманна,
Зане в то время был туман.

И некто в серой пелерине,
Большой по виду ферлакур,
Промолвил даме в кринолине
Многозначительно — „Bonjour!“

И долго там в тумане некто
С ней целовался неспроста
От Вознесенского Проспекта
До Поцелуева Моста!

Но кто ж она-то? Как ни странно,
Без лиц ведется сей роман...
Ах, эта повесть так туманна,
Зане в то время был туман!

И некто в черной пелерине,
Столкнувшись с ними, очень хмур,
Промолвил даме в кринолине
Многозначительно — „Bonjour!“

И долго там в тумане некто
Бранился с нею неспроста
От Вознесенского Проспекта
До Поцелуева Моста!

ЧЕТЫРЕ

**«Кюба»! «Контан»! «Медведь»! «Донон»!
Чьи имена в шампанской пене
Взлетели в невский небосклон
В своем сверкающем сплетеньи!**

**Ужель им больше не звенеть?
Ужель не вспенят, как бывало,
Кюба, Контан, Донон, Медведь
Свои разбитые бокалы?**

**Пусть филистерская толпа
Пожмет плечами возмущенно:
Нет Петербурга без Кюба!
Нет Петербурга без Донона!**

ГРАНИТНЫЙ ПРИЗРАК

**Как бьется сердце! И в печали,
На миг былое возвратив,
Передо мной взлетают дали
Санкт Петербургских перспектив.**

**И, перерезавши кварталы,
Всплывают вдруг из темноты
Санкт Петербургские каналы,
Санкт Петербургские мосты.**

**И, опершись на колоннады,
Встают незыблемой чредой
Дворцов гранитные громады
Над потемневшею Невой.**

**Звенят проспекты и бульвары,
И в бесконечности ночей
На влажных плитах тротуаров
Дробится отсвет фонарей.**

**Пусть апельсинные аллеи
Лучистым золотом горят,
Мне Петербургский дождь милее,
Чем солнце тысячи Гренад!**

**Пусть клонит голову все ниже,
Но ни друзьям и ни врагам
За все Нью Йорки и Парижы
Одной березки не отдам!**

**Что мне Париж, раз он не русский!
Ах, для меня под дождь и град
На каждой тумбе Петербургской
Цветет шампанский виноград!**

**И, застилая все живое,
Туманом Невским перевит,
Санкт Петербург передо мною
Гранитным призраком стоит!**

«ПЛАН ГОРОДА САНКТ ПЕТЕРБУРГА»

**В Константинополе у турка
Валялся, порван и загажен,
«План города Санкт Петербурга»
(«В квадратном дюйме — 300 сажень»).**

**И вздрогнули воспоминанья!..
И замер шаг!.. И взор мой влажен...
В моей тоске, как и на плане,
«В квадратном дюйме — 300 сажень»!**

БУКЕТ ОТ ЭЙЛЕРСА

Букет от Эйлерса. . . Вы слышите мотив
Двух этих слов, увы, так отзвеневших скоро?
Букет от Эйлерса! Того, что супротив
Многоколонного Казанского собора!..

И помню я: еще совсем не так давно...
Ты помнишь, мой букет? Как в белом,
белом зале
На тумбочке резной у старого панно
Стоял ты в хрустале на Крюковом Канале?..

Сверкала на окне узоров льдистых вязь,
Звенел гул санного искрящегося бега
И падал весело декабрьский снег, кружась...
Букет от Эйлерса ведь не боялся снега!

Но в три дня над Невой столетье пронеслось!
Теперь не до цветов! И от всего букета,
Как срезанная прядь от дорогих волос,
Остался лишь цветок засушенный вот этот!

Букет от Эйлерса давно уже засох!
И для меня теперь в рыдающем изгнании
В засушенном цветке дрожит последний вздох
Санкт Петербургских дней, растаявших
в тумане.

**Букет от Эйлера!.. Вы слышите мотив
Двух этих слов, увы, так отзвеневших скоро?
Букет от Эйлера! Того, что супротив
Многоколонного Казанского Собора!..**

ДАМА В КАРАТЕ

**В Париж! В Париж! Как сладко-странно
Ты, сердце, в этот миг стучишь!
Прощайте, Невские туманы,
Нева и Петр! — В Париж! В Париж!**

**Там — дым всемирного угара,
Rue de la Paix! Grand Opéra!
Вином залитые бульвары
И — карнавалы до утра!**

**Париж — любовная химера!
Все пало пред тобой уже!
Париж Бальзака и Бодлера,
Париж Дюма и Беранже!**

**Париж кокоток и абсента,
Париж застывших луврских ниш,
Париж Коммуны и Конвента
И — всех Людовиков Париж!**

**Париж бурлящего Монмартра,
Париж Верленовских стихов,
Париж штандартов Бонопарта,
Париж семнадцати веков!**

**И тянет в страсти неустанной
К тебе весь мир уста свои,
Париж Гюи-де-Мопассана,
Париж смеющейся любви!**

**И я везу туда не мало
Добра в фамильных сундуках:
И слитки золота с Урала,
И перстни в дедовских камнях!**

**Пускай Париж там подивится,
Своих портных расшевели,
На черную лисицу,
На горностаю и соболя!**

**Но еду все ж с тоской в душе я!
Дороже мне поклажи всей
Вот эта ладанка на шее:
В ней горсть родной земли моей!**

**Ах, и в аллеях Люксембурга,
И в шуме ресторанных зал —
Туманный призрак Петербурга
Передо мной везде стоял!**

**Пусть он невидим! Пусть далек он!
Но в грохоте парижских дней
Всегда, как в медальоне локон,
Санкт Петербург — в душе моей!**

Н. Н. ХОДОТОВУ

Когда тебя увижу, вдруг,
Вмиг, под дрожащей пеленою,
Весь старый пышный Петербург
Встает, как призрак, предо мною!

Декабрьских улиц белизна,
Нева и Каменноостровский,
И мерный говор Куприна,
И трели Лидии Липковской!

И пробка шумного Аи,
И Вильбушевич с Де Лазари,
Пажи бессменные твои
На пианино и гитаре!

И всех встречающий дом твой,
Где не слышали слова — «Тише!»
И неразрывные с тобой
Александринские афиши!

Ты — знамя юности моей!
Тебя несу в душе доньше!
Ты — отблеск Петербургских дней
На приютившей нас чужбине!

ГОЛУБАЯ ДАМА

**В этот день, как огромный опал,
Было небо прозрачно... И некто,
В черный плащ запахнувшись, стоял
На мосту у Большого Проспекта.**

**И к нему, проскользнув меж карет,
Словно выйдя из бархатной рамы,
Подошла, томно вскинув лорнет,
В голубом незнакомая Дама.**

**Был на ней голубой кринолин,
И была она вся голубою,
Как далекий аккорд клавесин,
Как апрельский туман над Невоею.**

**«Государь мой, признайтесь: ведь вы —
Тот вельможа, чей жребий так славен,
Князь Тавриды — Потемкин?» — «Увы!
Я всего только старый Державин!»**

**И, забыв о Фелице своей,
Сбросив с плеч тяготившие годы,
Старый мастер сверкнул перед ней
Всею мощью Державинской оды!**

**Но она, подобрав кринолин,
Вдаль ушла, чуть кивнув головою...
Как далекий аккорд клавесин,
Как апрельский туман над Невоею.**

НА РАССВЕТЕ

Рассветает! Даль зовет
В вихри звоном санным...
Тройка стынет у ворот...
— Ну-ка, Петр! К цыганам!

Гаркнул зычно Петр: «Па-а-ди!»
(Парень он таковский!)
И остался позади
Каменноостровский.

Лейб-гусарские усы
Вмиг заиндевели!
И уткнулись все носы
В серые шинели.

И сквозь снежный адамант,
Для лихой попойки
Полетели в «Самарканд»
Взмыленные тройки.

«Тусса! Тусса! Тусса!
Мэкамам чочо!
Це-е-словаться горячо!»

ТРИПТИХ

**Кулебяка «Доминика»,
Пирожок из «Квисисаны»,
«Соловьевский» бутерброд...**

**Вот триптих немного дикий,
Вот триптих немного странный,
Так и прыгающий в рот!**

**Каждый полдень, хмурия лики,
Предо мною из тумана
Трое призраков встает:**

**Кулебяка «Доминика»,
Пирожок из «Квисисаны»,
«Соловьевский» бутерброд!**

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ КАНАЛ

Вы не бывали
На канале?
На погрузившемся в печаль
Екатерининском канале,
Где воды, тяжелее стали,
За двести лет бежать устали
И побегут опять едва ли...
Вы там, наверное, бывали?
А не бывали, — очень жаль!

Эрот в ночи однажды тайно
Над Петербургом пролетал
И уронил стрелу случайно
В Екатерининский канал.
Старик-канал в волненьи странном
Запенил, забурлил вокруг
И вмиг Индийским Океаном
Себя почувствовал он вдруг.

И, заплескавши тротуары,
Ревел, томился и вздыхал
О параллельной Мойке старый
Екатерининский канал.
Но Мойка — женщина. И бойко
Решив любовные дела,
Ах, Крюкову каналу Мойка
Свое теченье отдала!

**Ужасно ранит страсти жало!..
И пожелтел там на финал
От козней Крюкова канала
Екатерининский канал!..**

**Вы не бывали
На канале?
На погрузившемся в печаль
Екатерининском канале,
Где воды, тяжелее стали,
За двести лет бежать устали
И побегут опять едва ли...
Вы там, наверное, бывали?
А не бывали, — очень жаль!**

КОРОБКА СПИЧЕК

Как вздрогнул мозг, как сердце сжалось!
Весь день без слов, вся ночь без сна!
Сегодня в руки мне попалась
Коробка спичек «Лапшина»...

Ах, сердце — раб былых привычек!
И перед ним виденьем вдруг
Из маленькой коробки спичек
Встал весь гигантский Петербург:

Исакий, Петр, Нева, Крестовский,
Стозвонно-плещущий Пассаж,
И плавный Каменноостровский,
И баснословный Эрмитаж,

И первой радости зарницы,
И грусти первая слеза,
И чьи-то длинные ресницы,
И чьи-то серые глаза...

Поймете-ль Вы, чужие страны,
Меня в безумии моем?
Ведь это Юность из тумана
Мне машет белым рукавом!..

Последним шопотом привета
От Петербурга лишь одна
Осталась мне, всего лишь эта —
Коробка спичек «Лапшина»...

ВЫ ПОМНИТЕ БЫЛЫЕ ДНИ?

**Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?
Как были праздничны они
Над Петербургскою Невою!..**

**Вы помните, как ночью вдруг
Взметнулись красные зарницы,
И утром вдел Санкт Петербург
Гвоздики юности в петлицу!**

**Ах, кто мог знать, глядя в тот раз
На двухсотлетнего гиганта,
Что бьет его последний час
На Петропавловских курантах!**

**И вот иные дни пришли...
И для изгнанников дни эти
Идут вдали от их земли
Тяжелой поступью столетий.**

**Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?
Как были праздничны они
Над Петербургскою Невою!**

**Вы помните иглистый шпигц,
Что Пушкин пел так небывало?
И пышность бронзовых страниц
На вековых пьедесталах?**

**И ту гранитную скалу,
Где Всадник взвился у обрыва,
И вдаль летящую стрелу
Звонящей Невской перспективой?**

**И красок вечный карнавал
В картинных рамах Эрмитажа,
И электрический скандал
Часов «Омега» над Пассажем?**

**И толщъ Исакиевских колонн,
И разметенные по свету
«Биржевку», «Речь», «Сатирикон»
И «Петербургскую Газету»!**

**И вздох любви нежданных встреч
На площадях, в садах и скверах,
И блеск открытых дамских плеч
На вернисажах и премьерях!**

**И чьи-то пряные уста,
И поцелуи в чьем-то взоре
У разведенного моста
На ожидающем моторе!..**

**Вы помните про те года
Угасшей жизни Петербургской?
Вы помните? Никто тогда
Вас не корил тем, что вы — «русский»!**

**И, белым облаком скользя,
Встает все то в душе тревожной,
Чего вернуть — увы! — нельзя,
И позабыть что невозможно!**

ГОРОДОВОЙ *)

Городовой! Как звучно это слово,
Какая мощь, какая сила в нем!
Ах, я боюсь — спокойствия бывшего
Мы без тебя в отчизне не найдем.

Где б не был ты — ты был всегда на месте,
Всегда стоял ты грозно впереди.
В твоих очах, в твоих державных жестах
Один был знак — «Подайся! Осади!»

Бранился ль я с неугомонным «Ванькой»
Иль ночью шел по улице с трудом,
Не ты ли был защитником и нянькой,
Не ты ли мне указывал мой дом.

Прекрасен клич восставшего народа,
Волнуют грудь великие слова.
Но без тебя ведь и сама свобода
Запуганному сердцу не мила.

Мечтой небес, миражем дивной сказки
Опять встает знакомый образ твой.
И знаю я, что без твоей указки
Нам не пройти искомой чередой.

О появись с багрово красным ликом,
С медалями, с крестами на груди
И обойди всю Русь с великим криком:
«Куда ты прешь! Подайся! Осади!»

*) Это стихотворение не входило в сборник «Блистающий Санкт-Петербург» и было получено издателем из частных рук.

От издателя:

В ближайшем будущем выйдет вторая книга стихов Н. Агнiewiczа «Мои песенки» с иллюстрациями худ. К. К. Кузнецова. Заказы на это издание направлять по адресу: B. Tscharkowsky, 45 Linda Str., San Francisco 10.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Блистательный Санкт Петербург	5
Вдали от тебя, Петербург	6
Гранитный барин	8
Санкт Петербургские триолеты	9
Странный город	10
У Александринского театра	11
Санкт Петербург	12
Петр Первый	14
Случай на Литейном Проспекте	15
На Стрелке	17
Дама на свидании	18
В. О. 17 Л.	19
Павел I-й	21
Принцесса Моль	22
Дама из Эрмитажа	24
В домике на Введенской	26
Белой ночью	28
Когда голодает гранит	30
Ужель наступит этот час?	31
Граф Калиостро	32
Князь Павел	34
В Архипелаге	36
Красный дом	37
Елисавет	38
На Петербургской Стороне	39
В 5 часов утра	41
Туманная история	43

Четыре	44
Гранитный призрак	45
План города Санкт Петербурга	47
Букет от Эйлерса	48
Дама в карате	50
Н. Н. Ходотову	52
Голубая дама	53
На рассвете	54
Триптих	55
Екатерининский канал	56
Коробка спичек	58
Вы помните былые дни?	59
Городовой	61
Оглавление	63